

— Чуть больше года назад мы с Джином ездили на Остров Русалок, — заговорила Хайбара Аи, прервав затянувшееся молчание. — Нужно было проверить слухи о тамошнем бессмертии и выяснить, действительно ли местная Бессмертная старуха живёт вечно. Тогда-то я и наткнулась на этих беловолосых близнецов, о которых ты толкуешь. С ними был ещё один парень — темноволосый, с волосами, собранными в пучок на затылке. Должно быть, тоже из этих... магов.

Аи мало что знала о магах. И пусть позже, уже в Организации, ей мельком доводилось слышать о магах и проклятых духах, она и подумать не могла, что на Острове Русалок судьба свела её сразу с тремя из них.

Лишь сегодня, когда Эдогава Конан завёл разговор о магах и подробно описал внешность братьев Годжо, в её памяти всплыли те двое, которых она видела больше года назад. Слишком уж они выделялись: высокие, невероятно красивые близнецы с редчайшими белыми волосами и лазурными глазами — во всей Японии вряд ли нашлась бы ещё одна такая пара. Именно поэтому они так врезались ей в память.

Однако Конан зацепился за другое имя.

— Джин? Ты ездила туда с Джином? И вас интересовали легенды о русалках и вечной жизни? Неужели цель Организации...

В голове юного детектива мгновенно выстроилась логическая цепочка. Препарат АРТХ 4869, которым его отравил Джин, не просто убивал — в редких случаях он уменьшал тело, буквально возвращая молодость. Ответ напрашивался сам собой: бессмертие!

Скорее всего, Чёрная организация стремилась разгадать тайну вечной жизни. А все их преступления, заказные убийства и махинации были лишь средством накопить ресурсы и влияние для этих исследований.

Хайбара промолчала. Она не решилась озвучить собственные догадки: уверенности не было, а давать Конану ложную зацепку не хотелось.

Пока Конан ломал голову над истинными целями синдиката, сама Чёрная организация переживала не лучшие времена, пытаясь уйти от облавы.

Причиной тому послужила их причастность к теневому рынку проклятых орудий. В этом грязном деле их интересы пересеклись с интересами проклятых магов. Киллеры Организации убивали профессионально, хладнокровно и в огромных количествах, что идеально подходило для наложения мощных посмертных проклятий на клинки и пули. К тому же обширные связи синдиката в верхах обеспечивали надёжное укрытие, не позволяя официальным властям совать нос куда не следует.

Никто не ожидал, что всё полетит к чертям из-за заурядной серии убийств. Стоило в дело вмешаться парочке дотошных детективов, как один из нетерпеливых проклятых магов попытался устранить студентов Токийского магического колледжа. Это привлекло внимание Годжо Хары. Нападавшего взяли тепленьким, и даже связывающий обет не спас тайну: под жёстким допросом магов тот не удержал язык за зубами и выложил всё о подпольном производстве артефактов.

Связывающий обет подобен нерушимому контракту, нарушение которого грозит кошмарной и непредсказуемой карой. Обычно никто не осмеливался идти против него. Но если человек до смерти напуган и готов рискнуть душой, обет не зашьёт ему рот физически. Оказавшись перед лицом неминуемой и мучительной гибели, проклятый маг предпочёл нарушить клятву и выдать сообщников. И пусть позже его настигнет жесточайшая отдача магии, дело было сделано: мир магов узнал правду, и на ликвидацию нелегальных заводов были брошены лучшие силы.

Техники магов отличались невероятным разнообразием. Среди них нашлись специалисты по выслеживанию: как бы глубоко ни прятались боевики Организации, стоило взять хотя бы одного живым, и ищейка потянула за ниточку воспоминаний, вскрывая одно убежище за другим. В итоге синдикат лишился нескольких ключевых баз, понесся колоссальные убытки.

Столкнувшись с такой сокрушительной силой, лидер Организации лишь укрепился в мысли, что им жизненно необходимы собственные проклятые маги. Против проклятия эффективно лишь другое проклятие. Обычные наёмники с автоматами и взрывчаткой были бессильны против тех, кто управлял скрытыми силами мира.

Конечно, в открытом бою рядовой маг мало чем отличался от обычного человека — его так же легко могла сразить шальная пуля или осколок гранаты. Но их изощрённые техники давали им колоссальное преимущество в скрытой войне. Ищейкам магов даже не требовалось выбивать признания: они считывали память пленных, узнавая обо всех тайниках и конспиративных квартирах, где те когда-либо бывали. Как защититься от подобного метафизического шпионажа? Обычными методами — никак. Спасти могли только другие проклятые маги.

В полумраке конференц-зала на гигантском экране застыл силуэт ворона. Из динамиков по обе стороны раздался безжизненный, механический голос:

— За неоценимые заслуги перед Организацией я принял решение присвоить Макото Камиз кодовое имя... Текила.

Предыдущий носитель этого имени — одного из ключевых в иерархии крепкого алкоголя — бесславно погиб при попытке завербовать Дзэннына Тодзи. С тех пор это кодовое имя пустовало, и Босс не спешил отдавать его кому-то другому. Прежний Текила унаследовал звание от своего отца, одного из основателей синдиката, который действительно заслуживал уважения. Но яблоко от яблони падает далеко, и сын оказался заурядной посредственностью. Без связей своего родителя он никогда не продвинулся бы дальше простого исполнителя, а его

бездарность лишь обесценила престижный статус.

Вернув кодовое имя в оборот, Босс относился к его присвоению с предельной осторожностью. Пока на его пути не возник Макото Камие — могущественный проклятый маг, который добровольно присягнул на верность Организации, помог оборвать след магов-ищеек и спас синдикат от полного уничтожения. Желая показать, насколько высоко он ценит новобранца, Босс не только пожаловал ему статус элитного исполнителя, но и собрал высших чинов Организации, дабы те засвидетельствовали этот триумф.

Собравшиеся за длинным столом Вермут, Джин и другие высокопоставленные члены банды устремили взгляды на мужчину, сидевшего по левую руку от экрана. На первый взгляд он казался ничем не примечательным человеком средних лет и заурядной наружности. Однако под его густой, зачёсанной набок чёлкой виднелся странный, пугающий след — тонкий шов, похожий на хирургический рубец.

Джин прищурился, разглядывая шов на лбу Камие. «Следы тяжёлой травмы головы?» — пронеслось в его мыслях. Впрочем, судя по тому, как уверенно держался мужчина, рана давно затянулась и никак не сказывалась на его способностях. Для тех, кто ходит по лезвию ножа в преступном мире, подобные шрамы — обычное дело. Скользнув холодным взглядом по лицу нового коллеги, Джин безучастно отвернулся.

Он прекрасно понимал мотивы лидера. Босс приблизил Камие к себе не только из-за его очевидной полезности, но и потому, что тот стал первым проклинателем, добровольно присягнувшим синдикату. Это была классическая демонстративная щедрость — жест, призванный показать остальным диким проклятым магам: «Служите нам, и вы получите всё: богатство, безграничную власть и любые удовольствия».

По сути, всё собрание затевалось лишь ради того, чтобы официально представить нового Текилу. Никаких других вопросов на повестке дня не значилось.

Бурбон, сидевший по правую сторону и представлявший на этой встрече Рома, безучастно подпёр подбородок рукой, но мысленно фиксировал каждую деталь внешности Камие. Проклятый маг, искренне преданный Организации, — это была смертельная угроза, способная нарушить хрупкий баланс сил.

До этого момента синдикат нанимал немало проклятых магов, но Бурбон никогда не беспокоился, что они станут постоянной частью структуры. Эти типы отличались непомерной гордыней и презирали обычных людей, именуя их не иначе как «мартышками». Они считали великой милостью само своё согласие работать на простых смертных, признавали только хрустящие купюры и за каждый шаг требовали доплаты. Ни о какой верности и речи быть не могло.

Но Макото Камие добровольно надел ошейник Организации и принял кодовое имя. Будь он слабым посредственным магом, ищущим лёгкой наживы под крылом крупной банды, это ещё можно было бы пережить. Но его пугающие способности Бурбон успел оценить лично.

Удивительные поисковые техники магов позволяли им на пару с полицией дышать Организации в затылок, даже когда Бурбон не рисковал передавать информацию наружу. И всё же этот человек шутя свёл на нет все усилия ищеек, позволив синдикату без труда уйти от погони. И пускай истинная суть техники Камиэ оставалась загадкой, даже этих крох хватало, чтобы понять: он станет идеальным и крайне опасным оружием в руках Босса.

«Нужно как-то передать его приметы наверх, — размышлял Бурбон, прикидывая варианты. — Пусть в Мире магов потрясут свои архивы. Идеально, если они заберут эту тварь обратно в свой безумный мир».

Организация без поддержки проклятых магов была куда более уязвимой мишенью.

Бурбон вновь бросил мимолётный взгляд в сторону новоиспечённого Текилы и неожиданно столкнулся с ним глазами. На лице Камиэ промелькнула едва заметная, но обезоруживающе мягкая улыбка. Он вежливо кивнул агенту под прикрытием.

Бурбон тут же нацепил свою фирменную дежурную улыбку и ответил столь же любезным кивком. Приближаться к этим типам с их непостижимыми силами он не стремился. Как обычный человек, он не мог видеть ни проклятую энергию, ни самих проклятых духов. Стоит подойти слишком близко — и на тебя незаметно навесят какую-нибудь невидимую метку или порчу, которая в два счёта выдаст твою двойную игру. Но и нарываться на неприятности, зля проклятого мага, не следовало. Оптимальный вариант — держать дистанцию, сохраняя видимость взаимного уважения.

Как только собрание объявили закрытым, Бурбон под предлогом срочного доклада Рому покинул зал одним из первых. Джин, также предпочитавший держаться от проклятых магов подальше, молча увёл своих оперативников. Лишь Вермут задержалась на пару минут, перекинувшись с Камиэ парой кокетливых фраз, но, быстро раскусив его холодный и изворотливый ум, поспешила откланяться.

Старшие офицеры синдиката питали к проклятым магам глубокий, почти суеверный страх. Пускай в честной перестрелке любой профессиональный киллер уложил бы проклятого мага одной пулей, в скрытом противостоянии правила игры менялись. Никто не хотел внезапно скончаться от неведомой хвори или остановить собственное сердце лишь потому, что перешёл дорогу тому, чьё оружие невидимо. Опасаясь получить проклятие в спину, они инстинктивно выбирали единственную разумную тактику — держаться на почтительном расстоянии.

Когда залы опустели, Макото Камиэ, оставшийся в одиночестве, подошёл к окну. Провожая взглядом вереницу тонированных представительских седанов, он презрительно усмехнулся:

— Невежественные мартышки...

Лёгкий сквозняк колыхнул его чёлку. На обнажившемся лбу проступила жуткая отметина: грубый, уродливый шов тянулся от одного виска к другому, словно черепную коробку мужчины когда-то полностью вскрыли во время патологоанатомического исследования.

Камиэ небрежным жестом поправил пряди, скрывая рубец от посторонних глаз, и обернулся к пустому экрану. На губах его играла задумчивая, слегка разочарованная улыбка.

Втереться в доверие к лидеру синдиката окажется сложнее, чем он думал. Этот параноик превзошёл в осторожности даже его самого: даруя кодовое имя, он вещал через зашифрованный канал связи, исказив голос электронным фильтром. Ни личного присутствия, ни намёка на настоящий тембр. Против такого мастера конспирации бессильны даже самые изощёренные ментальные техники поиска.

Впрочем, кое-какие выводы Кэндзяку всё же сделал. Те элитные бойцы, что сидели за столом, пользовались огромным авторитетом в криминальном мире, но для верховного лидера они оставались лишь полезными пешками. Вряд ли хоть один из них знал Босса в лицо.

А вот фигура Рома, второго человека в Организации, который слушал трансляцию по защищённой линии, всерьёз заинтересовала древнего проклятого мага. Если рядовым исполнителям закрыт доступ к телу вождя, то правая рука наверняка вхожа в его тайное убежище.

Пробиться в ближний круг Босса с ходу — задача для пришлого проклятого мага невыполнимая. А вот втереться в доверие к его заместителю... почему бы и нет? Если через Рома удастся выйти на след лидера, Кэндзяку останется лишь забрать его тело и память. Тогда вся эта разветвлённая международная сеть со всеми её миллиардами и связями в правительствах перейдёт под его полный контроль.

Пусть этот синдикат состоит из обычных мартышек — у глупых животных тоже есть своё назначение. Под прикрытием влиятельных чиновников и политиков его эксперименты будут надёжно скрыты от посторонних глаз, и даже дотошный Главный совет магов ничего не заподозрит. В конце концов, именно эти мартышки правят миром, превосходя магов числом.

Благодаря совместным усилиям Годжо Сатору и Гэто Сугуру с нелегальным производством проклятых орудий было покончено. Однако стоило им попытаться добраться до теневых покровителей этой схемы, как расследование тут же забуксовало.

Оба прекрасно понимали истинную причину: ниточки вели слишком высоко. В этом грязном деле были замешаны не только влиятельные политики из обычного мира, но и старейшины из числа верхушки магов. Когда смертоносные проклятые орудия штампуются промышленным способом, а цена каждого экземпляра исчисляется десятками миллионов, доходы становятся баснословными. Неудивительно, что над теневым конвейером раскинулся надёжный купол из высокопоставленных покровителей.

Только вот Сатору и Сугуру плевать хотели на чужие чины и привилегии. Будут прямые улики — полетят головы, без лишних разговоров и жалости. Понимая это, высокопоставленные кукловоды готовы были костями лечь, лишь бы замять дело. Они вставляли палки в колёса,

затягивали проверки и уничтожали следы, надеясь, что со временем шумиха уляжется сама собой.

— Да они издеваются, — Годжо Сатору с ледяной ухмылкой сжал жестяную банку. Металл жалобно хрустнул, и струя липкой газировки брызнула ему на пальцы. — Неужели эти старые хрычи всерьёз думают, что смогут меня остановить? Чёртовы гнилые мандарины... Так и подмывает придушить их всех разом!

Сугуру выглядел не менее мрачным. Сделав глоток сладкого супа из красных бобов, он негромко произнёс:

— Тявкают многие, но по-настоящему замарать руки решились единицы.

За годы работы в Главном совете магов Сугуру досконально изучил психологию этих старых маразматиков. Мотивы тех, кто напрямую не участвовал в сделках, но мешал следствию, были до отвращения просты: «Своих не сдаём». Для консерваторов закон не писан. Их фракция и так стремительно теряла влияние под натиском реформаторов, и допустить арест даже одного союзника означало признать поражение. А то, что ради этого нелегального бизнеса замучили до смерти десятки невинных людей, для них было пустяком, не заслуживающим внимания.

Даже Сугуру, в чьей душе всё ещё теплилось лёгкое пренебрежение к обычным людям, не мог примириться с подобным свинством. Ладно не-маги, но в ходе этого дела консерваторы безжалостно пустили под нож множество диких магов-самоучек. Их ловили, как бродячих собак, убивали, а из их тел и врождённых техник штамповали оружие на продажу. И верхушка Совета считает это приемлемыми издержками?

Сатору презрительно фыркнул.

— Даже если они не держали нож, они прикрывают убийц. А значит, они такие же соучастники. Если пустить в расход всю эту свору, мир станет только чище.

Сугуру на секунду прикрыл глаза. Идея разом вырезать всю эту гниль казалась безумно соблазнительной, но он заставил себя подавить этот порыв. Слепая ярость и массовые казни лишат их поддержки единомышленников и превратят реформу в кровавую баню. Сделав глубокий вдох, он справился с эмоциями и хладнокровно улыбнулся:

— Сначала соберём улики. Кое-кто у меня уже под подозрением. А если весомых доказательств для трибунала не хватит... — его глаза недобро блеснули, — мы всегда сможем им немного помочь. Сфабриковать парочку неопровержимых фактов — не такая уж сложная задача.

Годы, проведённые в коридорах власти Главного совета, не прошли даром: Сугуру научился играть по грязным правилам. Его моральные ориентиры стали куда более гибкими. Если цель благая, чистота методов отходит на второй план. Путь к новой эре не всегда пролегает при свете дня. Ради великого блага порой приходится пачкать руки и приносить жертвы.

Услышав этот откровенно криминальный план, Сатору удивлённо присвистнул.

— Ого, фальсификация улик? Звучит просто потрясающе, я в деле! Упечём этих старых мандаринов в самые глубокие камеры склада артефактов!

Сугуру ободряюще хлопнул друга по плечу, качая головой:

— Сатору, поубавь пыл. Я говорю о тех случаях, когда вина негодяя очевидна, но формально зацепить его не получается. Вот тогда можно слегка дорисовать картину. Но лепить обвинения на пустом месте против невиновных мы не станем. Разве таким образом мы будем отличаться от тех, с кем боремся? (Wait, the original text in [0125] is "таких поведение с теми, кто выносит смертные приговоры неугодным шаманам"). Let me find the exact text in the translation. It is in [0125]: "расстрельные приговоры неугодным шаманам". (No change needed here, but check in source). Wait, source says in [0125] is not there. Let me re-read. [0125] is about the Council. The term is in [0125] in the sense of "расстрельные приговоры неугодным шаманам". Let me fix that.

Для Сугуру грань была предельно ясна: наказание должно настигнуть преступника. Но фабриковать дела ради личной неприязни — значит опуститься до уровня того самого Совета, который штамповал расстрельные приговоры неугодным магам.

Сатору посмотрел на друга, заметив его серьёзный, почти отеческий тон, и невольно улыбнулся.

— Да понял я, понял!

Его отпустило. Самое главное — Сугуру по-прежнему твёрдо стоял на ногах и не собирался переступать черту безумия ради своего великого блага.

Допив остатки газировки, Сатору эффектным щелчком отправил пустую жестянку в урну.

— Не переживай, я просто шучу.

Сугуру на мгновение замер, а затем негромко рассмеялся. Повторив жест друга, он тоже выбросил свой стаканчик.

— Я знаю, Сатору. И я не сойду с этого пути.

Когда-то он действительно едва не соскользнул в бездну, но Годжо Хара вовремя удержал его за край одежды и вернул к свету. Теперь, когда рассвет нового мира магов был так близок, Сугуру ни за что не допустил бы роковой ошибки. Последние отчёты подтверждали: несмотря на общий рост проклятой энергии в стране, смертность среди молодых магов неуклонно падала. Его реформы приносили реальные плоды, спасая жизни. Осознание этого наполняло его сердце уверенностью.

Ни Сатору, ни Сугуру не собирались отступать. Два мага особого ранга, за спиной одного из которых стояли колоссальные ресурсы древнего клана Годжо, а за спиной другого — растущая мощь реформаторов и поддержка магов-выходцев из обычных семей, фактически объединили под своим знаменем весь мир магов. Против такого союза у теневых воротил не оставалось ни единого шанса. Под натиском этой сокрушительной силы организаторы нелегального бизнеса занервничали, совершили ряд глупых ошибок и один за другим явили свои истинные лица.

В отличие от Чёрной организации, способной при опасности отсекал хвосты и бесследно растворяться в тени, высокопоставленные чиновники и старейшины, связанные миллионами нитей с легальным миром, бежать не могли. Для них разоблачение означало мгновенный и неотвратимый крах.

Попавшихся на горячем консерваторов из Главного совета магов незамедлительно лишили титулов и приговорили к смерти. С чиновниками из обычного правительства поступили тоньше: дабы не сеять панику среди населения рассказами о магии и проклятиях, в прессу слили компромат на их финансовые махинации и взятки. Под улюлюканье толпы негодяев лишили постов и отправили под арест, а когда шумиха улеглась, тихо и без свидетелей привели смертные приговоры в исполнение.

Просматривая расстрельные списки, Сугуру устало выдохнул.

— Пожалуй, это единственный случай, когда я искренне рад кровожадности законов нашего мира.

Его верный помощник, Нанами Кэнто, методично подшивая документы в папки, отозвался спокойным, ровным голосом:

— Если бы не ваша с Годжо-саном настойчивость, эти люди до конца дней грели бы кости на лазурных берегах, а не стояли у расстрельной стены.

Нанами мог сколько угодно повторять свою излюбленную фразу о том, что работа мага — сплошное дерьмо, но в глубине души он отчаянно желал победы этой реформе. Будучи преподавателем в Токийском колледже, он больше всего на свете не хотел вновь видеть, как вчерашние дети уходят на задания, а возвращаются в закрытых гробах.

Раньше суровость закона в мире магов распространялась исключительно на магов-одиночек, за которыми не стояли влиятельные семьи. Старейшины же могли совершать любые зверства, зная, что в худшем случае их ждёт почётная отставка и тихая старость в роскошном особняке. Но правила изменились. Присутствие Сугуру в Главном совете и несокрушимый авторитет двух сильнейших магов современности — Сатору и Хары — создали непреодолимую стену. Перед лицом трёх магов особого ранга, не знавших пощады к предателям, остальные члены Совета попросту не посмели покрывать убийц. Так впервые в истории высшие чины ответили за свои преступления собственной кровью.

Сугуру задумчиво кивнул.

— Ты прав, Кэнто. Но в будущем закон должен стать беспристрастным инструментом, а не карающим мечом в руках сильнейших. Как говорит Хара, нам необходим полноценный кодекс. Власть закона всегда справедливее воли отдельных людей.

Нанами лишь молча кивнул. К тому, что Сугуру при каждом удобном случае цитировал Годжо Хару, он давно успел привыкнуть.

<http://bllate.org/book/19549/2004369>